

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

**ЧУЖОЙ
ИЗ НАШИХ**

Москва

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

**ЧУЖОЙ
ИЗ НАШИХ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Чужой из наших / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-220857-7

Июль 1941 года. Советское командование поручает группе Максима Шелестова встретить в районе Бобруйска нашего резидента — полковника-антифашиста Ральфа Бозера. У того на руках копии секретных документов, которые он добыл в германском генштабе. Оперативники выходят в нужный квадрат, когда район со всех сторон охвачен немецкими танковыми клиньями. Сплошной линии обороны нет, остатки наших частей мужественно сражаются в отрыве от главных сил. Чтобы найти Бозера в такой неразберихе, отряд Шелестова вынужден рассекретить себя и оказаться на виду у передовых частей вермахта...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-220857-7

ПРОЛОГ

Пейзажи за окном вагона тянулись унылые. Именно тянулись, а не мелькали, не проносились. Поезд шел с остановками, и серые мрачные осенние картины усугублялись следами прошедшей здесь войны. Обнаженные леса, сбросившие свою листву, казались черными, обгоревшими. Почерневшие непаханные поля. Подобно гнилым зубам, болезненно торчали закопченные трубы печей там, где когда-то стояли деревни и села. То и дело, точно призраки прошлого, появлялись сгоревшие останки автомашин и танков.

Даже в мягком вагоне было холодно, и Шелестов, накинув на плечи шинель, сидел у окна, грея ладони о стакан горячего чая. Буторин, спавший на соседней полке, пошевелился, посмотрел в сторону окна и, сбросив шинель, уселся, спустив ноги.

— Оршу проехали? — спросил он.

— Да, в стороне осталась, — тихо ответил Шелестов. — Помнишь эти места?

— Три с половиной года прошло, а все будто вчера было. Я тогда начинал подумывать, что нам уж и не выбраться к своим.

Да, 41-й год... Кто прожил его на западной границе, кто хлебнул лиха с самого начала войны со всеми ее ужасами, потрясениями, отчаянием — забыть тот год не смогут еще очень долго. А может быть, и никогда. И самое страшное даже не немецкие танки, которые давили в чистом поле безоружных красноармейцев и колонны беженцев, не «мессеры», которые гонялись чуть ли не за отдельными машинами. Самым страшным было видеть глаза людей — жителей городов и поселков, — когда из города уходили на восток последняя часть, последний батальон. И люди каменеют от страха, зная, что вот-вот в город войдут вражеские солдаты. Бросать беззащитных людей, идти мимо них, опуская глаза, больно, жутко.

И тут Шелестова бросило грудью на откидной столик в купе. На верхней полке коротко ругнулся проснувшийся Коган. Поезд вдруг стал резко тормозить. В соседнем купе упал чей-то чемодан, где-то заплакал ребенок. По коридору мимо дверей побежал проводник, успокаивая пассажиров.

— Что происходит? — Буторин босиком вышел в коридор и схватил за рукав проводника.

— Ничего страшного, товарищи командиры, экстренное торможение. Никакой опасности. Пожалуйста, оставайтесь в своих купе. Я скоро принесу чай.

— Тут не чаем пахнет, — проворчал Буторин и, вернувшись в купе, принялся натягивать сапоги.

Причина остановки была обычная для военного времени. На восстановленном после боев мосту через речку Оршицу обнаружилось повреждение. Пускать через него поезда было опасно, и движение остановили на двое суток, как обещали ремонтники. Большой необходимости добираться на перекладных в Оршу или Смоленск не было. Вряд ли это ускорило бы возвращение группы в Москву.

— Ребята, — Коган, стоя на железнодорожной насыпи рядом с вагоном, смотрел куда-то вдаль, приложив ладонь козырьком к глазам, — а ведь это было здесь. Помните тот батальон лейтенанта Морозова?

— Как там у Леонида Утесова, — задумчиво вставил Сосновский, — «...Одессу покидает последний батальон». Мы тоже уходили из Красной Слободы под Бобруйском с последним батальоном.

— Уходили, — добавил Коган, поднял с насыпи обломок кирпича и со злостью швырнул в поле. — Только у них было право сражаться и умирать, а у нас нет. У нас был долг и приказ выполнить до конца задание. А значит, уходить мимо домов, не глядя в глаза жителям...

— Тут какой-то населенный пункт виднеется, — кивнул Шелестов в сторону возвышавшихся за лесом куполов церкви. — Может, туда двинем? Выпросим у коменданта машину, съездим к тому месту, где остатки батальона приняли свой последний бой.

В хозяйстве коменданта нашлась много повидавшая на своем веку полуторка с расшатанным кузовом. Через час плутания по раскисшим за эту осень проселкам они выехали к берегу речушки, где тогда находилось село. Там стояли дома, дымились трубы. Жизнь налаживалась, но Буторин толкнул Шелестова локтем в бок и указал на опушку леса:

— Смотрите!

Коган постучал по кабине и, перегнувшись из кузова, стал указывать бойцу за рулем на памятник. Несколько минут занял путь на пригорок, где начинался лес. Оперативники спрыгнули из кузова и, подойдя к памятнику, сняли фуражки. Так и есть, то самое место, где три с лишним года назад они в последний раз виде-

лись с лейтенантом Морозовым — последним офицером полка. Здесь их оставалось всего несколько человек. Свежевыкрашенный масляной краской деревянный памятник. И деревянная дощечка, на которой чьей-то неопытной рукой тонкой кисточкой написаны звания и фамилии. Хорошо знакомые фамилии. И в памяти вставляли лица тех, с кем оперативники выходили в далеком 41-м из окружения. Да, вот они:

рядовой Суконников А.

рядовой Беспалов Ф.

сержант Капков С.

старшина Рябов И.

и еще пять фамилий бойцов 1449-го стрелкового полка.

— Здесь нет фамилии Морозова, — заметил Шелестов.

— Могли не сохраниться документы, — мрачно предположил Буторин. — Когда бьет артиллерия, рвутся снаряды, то и от людей мало чего иногда остается. А мог и в плен попасть. Жаль парня...

— Кто-то же их хоронил, — сказал Сосновский и обернулся в сторону деревушки.

ГЛАВА 1

Лето 1941 года.

Шли дни, недели, а с западной границы сведения поступали одно тревожнее другого. Ситуация на Западном фронте, преобразованном из Западного особого военного округа, ухудшалась буквально на глазах. Платов несколько дней не видел Берия. Делая свою повседневную работу, анализируя поступающую информацию, он не имел ни малейшего представления о том, что планирует советское высшее руководство, как оно намерено изменить ситуацию. Дальнейшее развитие событий по существующему сценарию могло привести к скорой катастрофе: наиболее боеспособные, самые оснащенные современной техникой и вооружением части и соединения гибли сейчас под ударами немецких танковых клиньев, под бомбами, которые валили сверху армады фашистских бомбардировщиков. И усугублялась ситуация тем, что переставала

поступать информация от наших разведчиков из-за границы, особенно из Германии. Каждое сообщение, каждая крупинка информации были сейчас на вес золота. И наконец терпение Платова закончилось. Взяв давно приготовленную папку, он просто пришел в приемную Берии и уселся на стул: «Буду сидеть до тех пор, пока меня не примут и пока мне не объяснят, что происходит. Что происходит на фронтах, я знаю, а вот что происходит в Кремле, узнать необходимо. Иначе как работать дальше?»

Берия вошел из коридора в приемную в два часа ночи, увидел Платова и остановился, глядя себе под ноги. Желваки генерального комиссара государственной безопасности ходили под кожей щек, что говорило о его взбешенном состоянии, довольно редком для Берии. Но Платов был сейчас готов ко всему. Даже к тому, чтобы написать рапорт и отправиться на фронт, заниматься разведкой в частях, даже командовать ротой, взводом. Рядовым с винтовкой в руках, черт возьми. Но только не бездействовать.

— Зайди, — бросил Берия и ушел в кабинет.

Платов вошел следом, остановился напротив стола, вытянулся по стойке «смирно» и собрался было высказать все, что он думает о том, что происходит на западной границе и даже уже не только на границе. Страна один за другим те-

ряла города, районы. Но Берия поднял глаза на Платова, холодно блеснули глаза за стеклами очков, и внутри у Платова спало напряжение, сжимавшее внутренности так, что трудно было дышать. Будем работать, понял он, несмотря ни на что, будем работать и делать свое дело, которое, кроме нас, сделать никто не может.

— Ругаться пришел? — холодно спросил Берия. — Позицию свою демонстрировать? Заявишь, что рапорт написал и на фронт хочешь? В боевые порядки пехоты? А ты умеешь воевать в пехоте? И я не умею. Вот сиди и не дергайся. Занимайся тем, что умеешь лучше других. Мы здесь спасти страну должны, а не там.

— То, что происходит на западной границе... — начал было Платов, но Берия сорвался на крик:

— Я знаю, что происходит на западной границе! В причинах разберемся потом, а сейчас надо исправлять положение. Каждый на своем посту должен это делать! — Берия замолчал, поднял было руку, чтобы снять и протереть очки, но ничего не сделал и, глядя в стол перед собой, добавил уже спокойно: — Прости, Петр Анатольевич. Я тоже, как выяснилось, не железный. Что-то конкретное есть по работе? Срочное, что требует моего вмешательства?

— Есть, Лаврентий Павлович, — ответил Платов, сам удивившийся, насколько собственный голос вдруг снова стал звучать спокойно, убедительно и деловито. — В аварийном режиме вышел на связь агент Васильев. Наверное, не выдержали нервы. Скопировать документы он не успел. Забрал оригиналы, какие смог, и покинул Берлин. Через два дня просит встретить его в указанном им месте в районе Бобруйска. Документы из стратегического пакета «Барбаросса».

— Так, сорвался, значит, — подвел итог Берия. — Васильев — это тот, который полковник Генштаба. Поздновато, конечно, нам бы год назад иметь эти документы. Как ты сам считаешь, есть какая-то ценность в материалах, которые он несет?

— Определенно есть, Лаврентий Павлович, — кивнул Платов. — Там анализ положения советских войск, дислоцированных в европейской части СССР, задачи предстоящих тактических операций, поставленные группам армий, авиации и военно-морскому флоту. Частично мы сейчас и сами можем сделать выводы о таких задачах, судя по направлениям ударов, но все же это только наши догадки. Также сведения о пополнении за счет резервов германских армий, действующих по плану «Барбаросса», в ходе военных действий. Мы имеем

сведения, что двадцать второго июня по мобилизационному плану для этой цели Германия готова была выделить триста семьдесят девять тысяч человек. А это значит, что армия отмобилизована по штатам военного времени — и это не провокация, не попытка нас запугать, а потом остановиться и диктовать условия. Это война на уничтожение. Есть сведения по анализу некоторых вооружений. Генштаб учитывает, что по численности артиллерии Германия и Румыния, вместе взятые, уступают Советскому Союзу. Указаны и преимущества советской авиации, особенно дальней.

— Ты говорил, что группа Шелестова хорошо начала работать и справляется со сложными заданиями? Отправляй их на место встречи. Большим силам соваться нельзя. Будет заметно. А маленькой группой сейчас там в этой каше проще просочиться. Все детали операции — на твое усмотрение, Петр Анатольевич. Мне сейчас не до этого. Отправь группу и займись другим вопросом. Учти, что об этом задании пока знаем только мы с тобой. По результатам, возможно, буду докладывать.

— Хорошо, Лаврентий Павлович, — ответил Платов.

— Нам нужен надежный контакт, который обладает необходимой информацией, способ-